

Владимир В. Седов

Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII века

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern
Europe 1, 45-55

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ I

Владимир В. Седов

Институт археологии Российской Академии наук в Москве,
Московский архитектурный институт

Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII века

Вопрос о том, откуда произошли формы храмов Ростово-Суздальской земли времени князя Юрия Долгорукого – давнишняя проблема истории древнерусской архитектуры, но она почти всегда заслоняется проблемой происхождения форм храмов времени Андрея Боголюбского, несравненно более богатых конструктивными, формальными и декоративными решениями. Эти несколько более поздние памятники, среди которых ядро Успенского собора, церковь Покрова на Нерли и комплекс в Боголюбове, и сами часто заслоняют тот начальный этап владими́ро-суздальского зодчества, которое для второй четверти – середины XII в. правильнее называть ростово-суздальским или даже просто суздальским зодчеством – не по Суздаю, в котором, как мы знаем, в это время стоял только один храм, сооруженный по заказу князя Владимира Мономаха, отца Юрия Долгорукого, но по названию земли, которая называлась по столичному граду, по Ростову или чаще по Суздаю.

Храмов, построенных в 1140-е – 1150-е годы князем Юрием Долгоруким, было четыре. Из них полностью сохранился Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском (илл. 1) и частично, но все же в довольно большой сте-

пени дошла до нашего времени церковь Бориса и Глеба в Кидекше (илл. 2). Существовали еще церковь Георгия во Владимире и церковь Георгия в Юрьеве-Польском, но если первая частично была раскрыта раскопками Н. Н. Воронина, то вторая до сих пор не была найдена (она находится под собором начала XIII в.). Сохранившиеся памятники – без сомнения самобытные и яркие образцы древнерусского зодчества.

Переславский собор и церковь в Кидекше принадлежат к одному типу: это четырехстолпные трехабсидные одноглавые храмы, примерно равные по размерам и сходные в деталях внутреннего устройства и членения фасадов (илл. 3а, 3б). Церковь Георгия во Владимире принадлежала примерно к той же линии (ее столбы и западная часть вообще не были раскопаны, так что реконструкция этого памятника опирается на аналогии и предположение о том, что формы стоящего храма XVIII в. хотя бы частично следуют формам ранней церкви, что совсем не обязательно).

Вплотную к вопросу о происхождении храмов времени Юрия Долгорукого подошел Н. Н. Воронин, который, опираясь на мнения Н. П. Кондакова и Д. Н. Бережкова, поднял

Илл. 1. Спасо-Преображенский собор, Переславль, вид с юга

вопрос о возможности прихода в Ростово-Суздальскую землю галицких мастеров.¹ Ученый считал, что приход мастеров из Галича на северо-восток Руси был возможен, но „их деятельность и закончилась строительством Юрия”.² В примечании к этому положению Н. Н. Воронин писал, что возможен был и непосредственный путь мастеров с Запада.³ Это предположение Н. Н. Воронин развил в книге *Зодчество Северо-Восточной Руси*, где уже была уверенно изложена только версия о переходе мастеров из Галича во Владимиро-Суздальскую Русь.⁴

В последние три десятилетия О. М. Иоаннисян последовательно и плодотворно занимается вопросами романского влияния на древнерусскую архитектуру вообще и на владими́ро-суздальскую – в частности. В работе *Основные этапы развития галицкого зодчества* (1988 г.)⁵ О. М. Иоаннисян обратил внимание на два ранних памятника галицкой архитектуры, церковь Иоанна в Перемышле (упоминается в 1124 г.) и церковь Спаса в Галиче (упоминает-

¹ Воронин (1940: 22–27).

² Воронин (1940: 24).

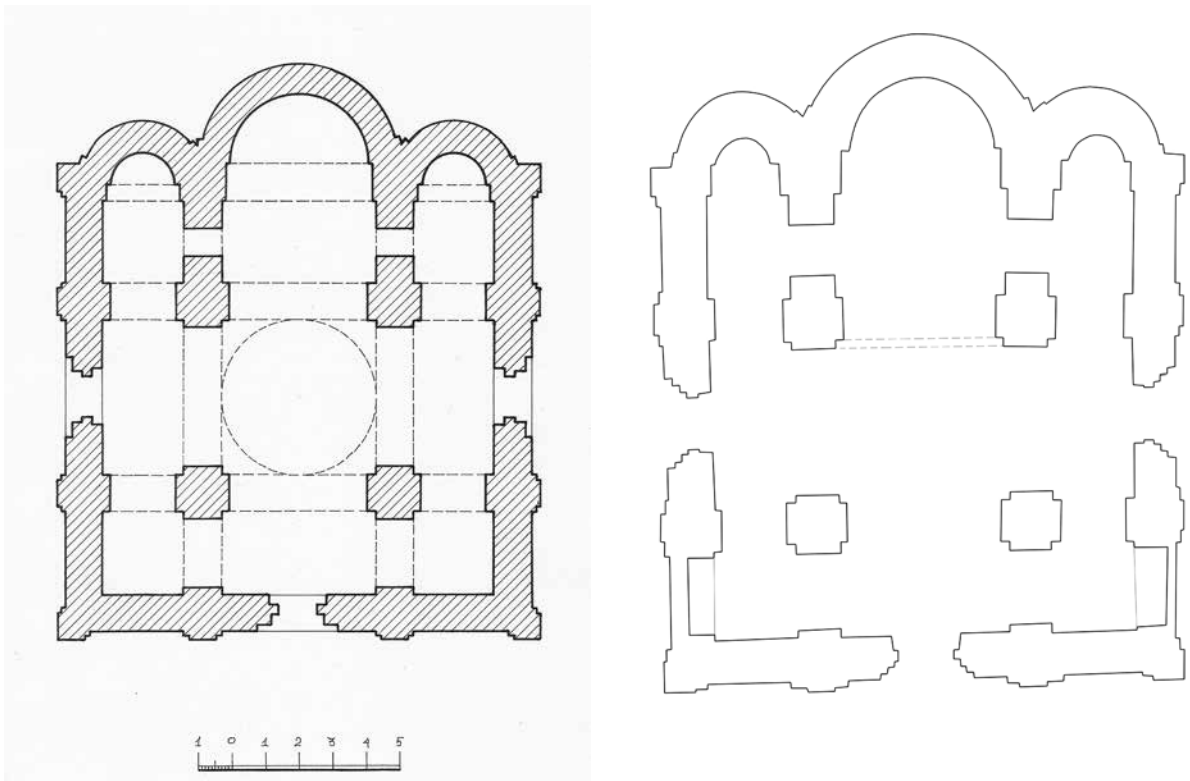
³ Воронин (1940: 24).

⁴ Воронин (1961: 107–109).

⁵ Иоаннисян (1988а: 41–58).

Илл. 2. Церковь Бориса и Глеба, Кидекша, вид с юга

Илл. 3. а. План церкви Бориса и Глеба в Кидекше, б. План Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском

ся в 1152 г.). Оба памятника представляют четырехстолпный вариант древнерусского храма, они выстроены в квадратной белокаменной технике, у них одинаковая система ленточных фундаментов, сами фундаменты сложены из булыжников и отесков белого камня на известковом растворе. Белокаменной резьбы здесь почти не было, за исключением городчатого пояса в церкви Спаса. Планы ранних галицких церквей, их фундаменты, кладка их стен и даже декор напоминают храмы времени Юрия Долгорукого: у них тоже четырехстолпные планы, ленточные фундаменты (что установлено исследованиями самого О. М. Иоаннисяна), похожая кладка стен и городчатый пояс (в барабане Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском).

Опираясь на предположение П. А. Раппопорта о возможном происхождении галицких мастеров из Малопольши,⁶ О. М. Иоаннисян подробно рассмотрел аналогии галицким (и, соответственно, владими́ро-суздальским) памятникам в романских памятниках этого региона Польши. Несколько церквей Малопольши оказываются очень близкими к памятникам древнерусским, галицким и владими́ро-суздальским.

Это коллегиаты в Вислице и Опатове и костелы Иоанна Крестителя в Прандоцине и Анджея в Кракове. Кроме того, ученый указывает на два памятника в других районах Польши, на коллегиаты в Ленчице и Калише, где обнаруживаются подобные фундаменты.

Все эти памятники в Польше принадлежат к другому, западному типу – базиликальному, их можно подразделить на бесстолпные и с нефами, разделенными столбами. Помимо фундаментов и техники кладки стен малопольские памятники роднят, по мнению О. М. Иоаннисяна, с галицкими и владими́ро-суздальскими следующие черты и формы, а иногда и их отсутствие: профиль плоских пилястр на фасадах, обработка пилястрами углов без образования закрестий, переход от абсид к основному объему с помощью лопаток, пропорции крестообразных столбов, гладкий характер фасадов, без резьбы, а также перспективные порталы с гладкими уступами и, в завершении стен, вал с простейшими орнаментами из волнистых линий в Спасском соборе в Переславле-Залесском, костеле в Прандоцине и коллегиате в Опатове.

Из этого сравнения делается вывод о том, что лапидарный характер малопольских памятников объясняет стилистические особенности

⁶ Раппопорт (1968: 461–462).

зодчества времени Юрия Долгорукого (а не грекофильство князя,⁷ как считал Н. Н. Воронин). О. М. Иоаннисян подчеркнул передаточную роль галицкого зодчества, с одной стороны связанного с малопольским влиянием, а с другой – находящего продолжение в ранних владими́ро-суздальских постройках. Он предположил, что артель, строившая в Польше для частных заказчиков, была относительно свободной, и галицкий князь мог ее получить в свое распоряжение (очевидно – пригласить) даже находясь во враждебных отношениях с польским князем. Исследователь писал о дальнейшем уходе мастеров из Галича в Залескую землю, после чего в Галицкой земле наступает новый этап, связанный уже с влиянием венгерской романики.

В опубликованной в том же 1988 г. статье „Зодчество древнего Галича и архитектура Малополюши”⁸ О. М. Иоаннисян несколько развил приведенные положения: он писал о похожем ступенчатом переходе от восточного рукава креста к абсиде, встречающемся как в Переславле-Залесском, так и в некоторых польских памятниках (костел св. Анджея в Кракове и коллегиата в Вислице), кроме того, он упомянул о схожей рубке блоков „в ёлочку”, а также о цоколях „в виде простого уступа”. Подробно рассматриваются аналогии декору барабана собора в Переславле-Залесском, где выделен „вал с простейшим орнаментом в виде волнистых линий, ритмически разделенных тонкими вертикальными филеками, обработанными углублениями небольшого диаметра”; подобные валы с орнаментом есть в карнизе нефа в Прандоцине. Кроме того, добавлено положение о том, что „общей чертой как малопольских, так и ранних владими́ро-суздальских памятников является характерная особенность обработки фасада пилястрами, которая заключается в том, что выступ пилястры равен выступу цоколя, благодаря чему пилястры не доходили до основания стен, а опирались на цокольный выступ, заключая каждое из членений стены в замкнутую рамку”.

Некоторые положения двух приведенных статей О. М. Иоаннисяна 1988 г. были им приведены в статье 1996 г. „Польско-русская и венгерско-русская границы в XI–XIII веках и их отображение в развитии средневековой архи-

тектуры”.⁹ Еще раз к этой теме ученый обратился в обобщающей статье „К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI – начале XIII в.”, изданной в 2002 г.¹⁰

Наконец, в 2006 г. О. М. Иоаннисян опубликовал статью „Об одной малопольской строительной артели романского времени (опыт реконструкции творческого почерка)”, в которой привел уже изложенные соображения, дополнив круг малопольских аналогий распространенным экскурсом, касающимся уступчатого перехода от нефа к абсиде в костеле св. Анджея в Кракове и в костеле в Прандоцине; исследователь высказал мнение, что подобная ступенчатость в древнерусских памятниках не встречается, за исключением храмов Юрия Долгорукого и последующих памятников владими́ро-суздальского зодчества.¹¹

Со своей стороны приведем несколько положений, показывающих гипотетичность высказанных О. М. Иоаннисяном соображений. Во-первых, оговорим то обстоятельство, что костелы Малополюши относятся по объемно-пространственному решению к иной, западноевропейской традиции. Малопольские мастера не могли сами построить ни храмы Галицкой земли, ни храмы ростово-суздальской земли времени Юрия Долгорукого. Для того, чтобы расположить массы этих четырехстопных трехабсидных и одноглавых храмов нужны были мастера древнерусские, правильнее же говорить об архитекторах. Эти архитекторы руководили пришлыми мастерами, деятельность которых сводилась к собственно строительству (фундаментов, стен и сводов), а также к декорированию в позволенных (или отведенных) границах.

Приведем замеченные нами отличия храмов времени Юрия Долгорукого от малопольских и галицких памятников:

1. Ленточные фундаменты в малопольских и галицких памятниках только продольные, тогда как в ростово-суздальских есть и поперечные ленты. То есть фундаментная система в храмах Юрия Долгорукого сложнее. Это можно объяснить тем, что в этих храмах система фундаментов продумывалась древнерусским архитектором.

2. В малопольских памятниках всегда присутствуют внутренние лопатки, отвечающие

⁷ Воронин (1961: 110).

⁸ Иоаннисян (1988: 185–218).

⁹ Иоаннисян (1996: 157–178).

¹⁰ Иоаннисян (2002: 206–230).

¹¹ Иоаннисян (2006: 199–224).

Илл. 4.
Церковь Бориса и Глеба,
Кидекша, аркатура
на середине высоты

Илл. 5.
Костел св. Анджея, Краков,
аркатура на абсиде

столбам¹² (в галицких памятниках они не зафиксированы, поскольку храмы сохранились на уровне верха фундаментов, а то и ниже), а в ростово-суздальских храмах эти лопатки очень заметны в связной системе членений интерьера. Но малопольские памятники всегда вытянуты, хоть немного, по продольной оси, тогда как ростово-суздальские храмы стремятся к центричности. Это тоже свидетельство работы древнерусского архитектора.

3. Аркатуры малопольских памятников грубее аркатур на абсидах собора в Переславле-Залесском и на пряслах церкви в Кидекше (илл. 4, 5); ростово-суздальские аркатуры очень тонко нарисованы, они ясные и легкие, в один

уступ. Польские аркатуры двухступчатые, они ближе к немецким образцам.

4. Валу с орнаментами в малопольских памятниках (Опатов, Прандоцин, Чхов)¹³ грубее, чем подобный вал на абсиде собора Переславля-Залесского (илл. 6, 7, 8). Такую сложную декорацию вала следует искать в немецких памятниках, например, – в соборах в Вормсе и Шпейре.¹⁴

5. Уступ на середине высоты фасада храма в Переславле-Залесском практически не имеет польских прототипов (за исключением уступа в романском костеле в Сулиславице начала XIII в.,¹⁵ где, впрочем, нет лопаток), как не имеет их и устройство аркатуры с отливом над ней

¹² Скуревич (1906: 225–236) (костелы Андрея в Кракове и Войцеха в Косцельце).

¹³ Świechowski (1963: 24, Ill. 23 – Czchów, 190–195 – Opatów, 215–218 – Prandocin).

¹⁴ Winterfeld (2003: 238).

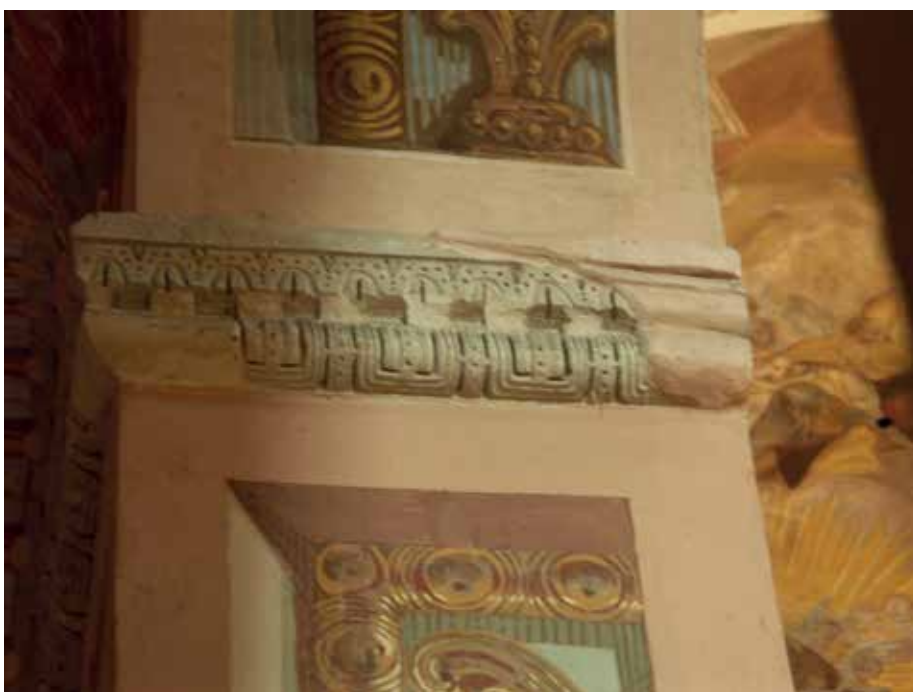
¹⁵ Świechowski (1963: 266–267 – Sulislawice).

Илл. 6.
Спасо-Преображенский
собор, Переславль-
Залесский, декорированный
вал на абсиде

Илл. 7.
Чхов, остатки
декорированного вала
первого костела

Илл. 8.
Опатов, декорированный вал
на столбе костела

в церкви в Кидекше (илл. 9, 10). Для всех этих форм следует искать другие образцы, причем не только малопольские.

6. Уступ перед абсидой, оформленный в виде арки, действительно встречающийся и в ростово-суздальских памятниках и в костелах Малопольши, не есть исключительная черта польской романики: подобный уступ есть, например, в церкви Петра и Павла в Смоленске, сооруженной в середине XII в.,¹⁶ то есть практически одновременно с храмами Юрия Долгорукого. Как видим, эта форма имела распространение на Руси и может быть связана с работой русского архитектора.

Мы делаем вывод о том, что хотя малопольское происхождение мастеров ростово-суздальских храмов времени Юрия Долгорукого не исключено, как и их „промежуточная» работа в Галиче и Галицкой земле, но памятники ростово-суздальские выглядят сложнее, богаче малопольских и галицких прообразов, что позволяет поставить вопрос о наличии какой-то другой линии влияния.

Некоторые новые формы и приемы можно объяснить тем, что задачи, поставленные перед пришлыми романскими мастерами (или обученными ими галицкими мастерами, строившими в романской манере) в Ростово-Суздальской земле, были сложнее, значительней. Этим можно было бы объяснить наличие поперечных ленточных фундаментов. Но подобное соображение не объясняет тонкости орнаментов вала Переславы-Залесского и изящности аркатуры Кидекши. В связи с этим мы еще раз хотели бы обратить внимание на то, что некоторые романские формы следует разыскивать в многочисленных школах европейской романики.

Речь идет и о вале с орнаментами (это, по нашему мнению, стилизованные листья аканфа, похожий, но более развитый и сложный карниз находим не только в соборах Германии, в Вормсе и Шпейере, но и в ломбардском соборе в Модене¹⁷), об аркатуре (ее аналоги находим в той же Модене и в соборе в Фиденце близ Пармы), а также о капителях (импостах) в лопатках интерьеров Переславы и Кидекши: с характерным для обоих памятников четвертным валом и полочкой (илл. 11, 12). Подобной формы в Ма-

лопольше, насколько нам известно, нет, тогда как в архитектуре Ломбардии и Франции они встречаются.¹⁸ Все эти формы следует разыскивать в архитектуре романского мира, но уже не в Малопольше.

Не менее сложной представляется проблема фасадных членений и некоторых форм в интерьере. Храм Переславы-Залесского представляется более простым и суровым, тогда как церковь в Кидекше кажется более развитой по декору: в ней на фасадах уже появились аркатура (пока еще без колонок) и уступчатость верхней части прясла, завершенного закомарой. До сих пор не получили объяснения формы основания западных столбов переславского собора, где присутствует сложно разработанный цоколь.

Нет (или пока не найдено) аналогий для среднего уступа Переславского собора. Здесь отлив стены позволяет увеличить количество уступов в лопатках и, соответственно, в закомарах, в полукружия которых переходят уступчатые лопатки.

Форма простых перспективных порталов Переславы и Кидекши похожа на порталы костелов Малопольши, но есть и существенное отличие: в польских памятниках перемычка над проемом всегда прямая и тимпан портала заполнен камнем,¹⁹ а в суздальских храмах перемычка всегда коробовая; хотя тимпан и заполнен, но меньше.

Отметим также, что городчатый фриз (с блоками, у которых намечены ступенчатые дентикулы) на барабане переславского собора не находит аналогий в польских костелах.

И в Переславском соборе (на абсидах) и в церкви Бориса и Глеба в Кидекше (как на абсидах, так и в нижней части прясел на западном и боковых фасадах) применен в качестве декоративной системы обработки участков фасадов принцип филенки, плоской рамки, ограниченной внизу цоколем (если он есть), по бокам – лизенами, лопатками или узкими фасадными колонками, а вверху – аркатурой. Этот принцип един для романской архитектуры, эти филенки можно воспринимать как часть романского декоративного каркаса стен, как

¹⁶ Воронин (1979: 70–71, илл. 25, 26).

¹⁷ Malafrina (2003).

¹⁸ Котов (1929: 450–474).

¹⁹ Отметим портал храма Рождества Марии в Любине с арочной перемычкой – как в храмах Юрия Долгорукого. См.: Świechowski (1963: 159–160, Ill. 374, 375).

Илл. 9.
Костел, Сулиславице, уступ
на середине высоты

Илл. 10.
Спасо-Преображенский
собор, Переславль-
Залесский, уступ на
середине высоты

способ их расчленения. Этот способ выдержан в соборе Переславля в абсидах, круглящая поверхность каждой из трех абсид является филенкой, ограниченной цоколем внизу, лопатками по сторонам (они расположены на стыках средней и боковых абсид и в местах примыкания боковых абсид к коротким заплечикам на восточном фасаде). В Кидекше с помощью филенок (у которых не было низа, нижнего рамочного поля) обработаны нижние части прясел фасадов: здесь филенка ограничена двумя тягами по сторонам (они примыкают к лопаткам), эти тяги переходят в аркатурный пояс, тем самым замыкая прясло с трех сторон. Отсутствие тяги или цоколя внизу говорит уже о некоторых „потерях” романской манеры в Кидекше: хотя прясло с аркатурой является более развитой формой, чем прясло с уступом (как в Переславле), но

в Переславле уступ был, а здесь он почему-то „забыт”; возможно – из-за того, что в византийской и древнерусской архитектурных традициях подобного цоколя не было.

В малопольских памятниках филенки на абсидах дробятся узкими лопатками, так называемыми лизенами, тогда как в храмах времени князя Юрия Долгорукого лизен не было, здесь использовали только широкие лопатки – по древнерусской манере (а также узкие полоски рамки по краям). Это заставляет искать другие, не польские образцы для филенок на абсидах ростово-суздальских храмов.

Можно говорить о симбиозе романики и древнерусских форм в храмах Юрия Долгорукого; прежде всего о древнерусском вкладе следует говорить при анализе пространственной организации интерьеров храмов Ростово-Суз-

Илл. 11. Спасо-Преображенский собор, Переславль-Залесский, интерьер с импостами в западной части

Илл. 12. Спасо-Преображенский собор, Переславль-Залесский, интерьер с видом подкупольного пространства

дальской земли, а также при анализе построения внешней стороны их оболочки.

Нет сомнения в том, что вся оболочка структурирована с помощью приемов романской архитектуры. Но источник этой романской архитектуры, принявшей на себя в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII в. роль декоративной оболочки фасадов и декоративной отделки ключевых точек интерьера, пока достоверно не выяснен. Если некоторые формы действительно находят себе аналоги в архитектуре Малопольши, то для некоторых форм возможны как немецкие, так и итальянские прообразы. Это говорит о том, что прибывшие ко двору князя Юрия Долгорукого мастера были не только польскими, что это была сборная артель мастеров-каменотесов (они и были, вероятнее всего, из Малопольши) и мастеров-декораторов, происхождение которых сложнее и загадочней. Возможно, что в этой („декоративной”) части мастеров были, как уже было сказано, выходцы из Германии и (или) Италии. Во всяком случае,

происхождение мастеров храмов времени Юрия Долгорукого не сводится только к малопольскому „следу”. Малопольской следует признать часть артели, осуществлявшей каменную кладку из квадров белого камня: именно эта часть мастеров обеспечила технику ростово-суздальской (или, позднее, владими́ро-суздальской) архитектуры на весь XII век и на начало XIII в. Но своеобразие композиции и декорации трех или четырех периодов развития ростово-суздальской архитектуры малопольская архитектура определяла на очень ограниченном поле и только в период княжения Юрия Долгорукого. Вклад малопольской архитектуры в зодчество Ростово-Суздальской земли следует изучать подробно, анализируя каждую форму, устанавливая достоверно ее малопольское (а не какое-нибудь другое) происхождение. Здесь мы видим область совместных исследований польских и русских ученых.

Но уже сейчас ясно то значение, какое имеет вероятное малопольское происхождение части

мастеров, работавших по заказу князя Юрия Долгорукого. И, одновременно с пониманием значения вероятного малопольского влияния, мы видим всю сложность получившейся архитектуры, в которой господствует древнерусская традиция, выразившаяся в самом типе зданий и в распределении их масс. Но рядом с древнерусским мастером, определявшим облик здания в целом, присутствовали романские мастера, часть из которых вероятнее всего происходила из Малопольши. Однако рядом с этими мастерами работали и более изощренные зодчие и декораторы, привнесшие в земли Волго-Окского междуречья дух романской архитектуры земель, расположенных западнее Малопольши. Возможно даже, что итальянские мастера прибыли в Суздальскую землю не при Андрее Боголюбском, а еще в княжение Юрия Долгорукого.

Библиография

- Воронин 1940 = Воронин, Н[иколай] Н.: „К вопросу о взаимоотношении галицко-волинской и владими́ро-суздальской архитектуры XII–XIII вв.“, *КСИИМК*, вып. III (1940): 22–27.
- Воронин 1961 = Воронин, Н[иколай] Н.: *Зодчество Северо-Восточной Руси*, т. I, Москва 1961: 107–109.
- Воронин 1979 = Воронин, Н[иколай] Н.: *Зодчество Смоленска. XII–XIII вв.*, Ленинград 1979: 70–71, илл. 25, 26.
- Иоаннисян 1988 = Иоаннисян, О[лег] М.: „Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши“, *Acta Archaeologica Carpathica*, т. XXVII (1988): 185–218.
- Иоаннисян 1988а = Иоаннисян, О[лег] М.: „Основные этапы развития Галицкого зодчества“ [в:] *Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в.*, А. И. Комеч, О. И. Подобедова (отв. ред.), Наука, Москва 1988: 41–58.
- Иоаннисян 1996 = Иоаннисян, О[лег] М.: „Польско-русская и венгерско-русская границы в XI–XIII веках и их отображение в развитии средневековой архитектуры“ [в:] *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu*, М. Parczewski i S. Czopek (ред.), Rzeszów 1996: 157–178.
- Иоаннисян 2002 = Иоаннисян, О[лег] М.: „К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI – начале XIII в.“ [в:] *Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век*, О. Е. Этингф (ред.), Санкт-Петербург 2002: 206–230.
- Иоаннисян 2006 = Иоаннисян, О[лег] М.: „Об одной малопольской строительной артели романского времени (опыт реконструкции творческого почерка)“ [в:] *ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча*, А. Л. Баталов (ред.), Северный паломник, Москва 2006: 199–224.
- Котов 1929 = Котов, Г[ригорий] И.: „Очертания арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века“, *Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (ГИАИМК)*, вып. II (1929): 450–474 (об аналогиях impostов арок храмов Долгорукого: 458–460).
- Раппопорт 1968 = Раппопорт, П[авел] А.: „К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы“ [в:] *Славяне и Русь. Сборник статей к шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова*, Е. И. Крупнов (ред.), Москва 1968: 461–462.
- Скуревич 1906 = Скуревич, К[азимир]: „Зодчество западных славян“, *Зодчий*, 22 (1906): 225–236.
- Malafrina 2003 = Malafrina, Gianfranco (ред.): *Il Duomo di Modena. A cura di Gianfranco Malafrina*, Modena 2003.
- Świechowski 1963 = Świechowski, Zygmunt: *Budownictwo romańskie w Polsce*, katalog zabytków, Wrocław-Warszawa-Kraków 1963: 24, ill. 23 (Czchów), 190–195 (Opátów), 215–218 (Prandocin), 266–267 (Sulisławice).
- Winterfeld 2003 = Winterfeld, Dethard von.: *Meisterwerke mittelalterlicher Architektur*, Regensburg 2003.

Vladimir V. Sedov

The synthesis of Romanesque and Ancient Russian form in the Architecture of Rostov-Suzdal Rus in the middle of 12th century

The article focuses on churches built during the reign of prince Yuri Dolgoruky (Long Armed). The two preserved churches, the cathedral of St. Savior in Pereyaslavl-Zalessky and St. Boris and Gleb in Kideksha (partly reconstructed in the east part), built before 1152, show the early Russian space and system of plan, based on the principles of Byzantine architecture of Comnenus Dynasty Era. This Ancient Russian and Byzantine features means that the Constructor, the Architect of these churches was Russian. However, many features of masonry and decor are western, Romanesque. We can list these details: big square blocks of white stone, arcature, windows with two bell-mouths, perspective portals, imposts of the arches. But all of these details are subordinate to the Ancient Russian Architecture. Oleg Ioannisian, the scientist from St. Petersburg, suggested that the stonemacons and decorators of these churches came from Małopolska. But the comparison with the monuments of the Romanesque architecture in Krakow and around Krakow show that some of the details in the Rostov-Suzdal Architecture in the middle of the 12th century are comparable with the decor of the churches in Małopolska, however, some of the details, like friezes, imposts and bases of the walls are more sophisticated than in the Polish monuments. It means that we have to search for the origins of the builders (stonemacons and decorators) of Rostov-Suzdal region not only in the Małopolska region, but also in other countries, preferably in North Italy and, less probably, in the imperial architecture of Germany. The region of Małopolska we consider to be the transitive area, which also participated in the composition of the original byzantine-romanesque Architecture of the Rostov-Suzdal Rus.